

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4

EDN: AGWVGZ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЫДЕННЫХ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ О ВОЙНЕ

Гаджиев Акиф

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

Эл. почта: akifka21@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6273-3398

Для цитирования: *Гаджиев А.* Аналитический обзор экспериментальных исследований обыденных моральных суждений о войне // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. т. 35, № 2(63). С. 131-163. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4. EDN: AGWVGZ

В статье представлен обзор экспериментальных исследований, сопоставляющих обыденные моральные суждения о войнах с нормативными моделями (международным гуманитарным правом и теорией справедливой войны). На основе анализа работ данного направления, предложена типология исследовательских планов по четырем ключевым параметрам: объект оценки, степень реалистичности сценария, способ предъявления условий и роль нормативных моделей в дизайне. Предложенная типология выступает аналитическим инструментом, позволяющим объяснить противоречивость выводов исследований относительно характеристик обыденных моральных суждений о войнах. Выявлены преимущества экспериментального подхода в установлении детерминант суждений, а также его ограничения, связанные с искусственностью сценариев и фокусом на расхождения с норматив-

ными теориями. Обозначены перспективы преодоления ограничений за счет методологического плюрализма и обращения к неэкспериментальным исследовательским стратегиям.

Ключевые слова: обыденные моральные суждения, нормативные модели, экспериментальные исследования, техника виньеток, социология морали, моральная психология, международное гуманитарное право, теория справедливой войны.

Введение

Вопрос о том, какие войны считать справедливыми, и какие методы их ведения морально допустимыми, имеет две разные традиции осмысления. Первая – нормативно-доктринальная: это международное гуманитарное право и этические теории, развиваемые на протяжении столетий [1; 2]. Вторая – дескриптивная и объяснительная: это изучение моральных суждений обычных людей о войнах, устройство и детерминанты которых до недавнего времени редко становились предметом систематического социологического анализа [3]. В то же время, на суждения обычных людей о допустимом и желательном ориентируются политические лидеры, принимая решения относительно инициации конфликтов; исходя из этих суждений формулируются публичные легитимации войн; к ним могут апеллировать международные суды и парламенты в дискуссиях о военных конфликтах [4; 5].

Несмотря на растущий интерес к этой теме, исследования обыденных моральных суждений о войнах остаются фрагментированными. Они разрознены дисциплинарно (политология, социальная психология, социология) и за редким исключением [6; 3] не образуют единого исследовательского поля. Наряду с качественными исследованиями дискурса [7; 8] и изучением динамики общественного мнения [9; 5], существует пласт работ, использующих экспериментальный подход и тех-

нику виньеток для сопоставления обыденных моральных суждений с нормативными моделями – международным гуманитарным правом и этической теорией справедливой войны. Интерес к такому сопоставлению не случаен: эти модели выступают авторитетным источником норм, транслируются через публичный дискурс и служат обоснованием политических решений, что делает их значимым контекстом формирования обыденной морали [8; 10]. Однако конкретные исследовательские планы, реализуемые в рамках этого подхода, существенно различаются, результатом чего являются противоречия в выводах исследований на одни и те же темы (так, исследования приходят к противоположным выводам о степени приверженности обычных людей (не обладающих экспертным знанием) нормам международного права [11; 12]). Как следствие, сегодня отсутствует систематическое понимание того, в какой мере выявленные эффекты устойчивы, а в какой обусловлены выбором определенного исследовательского плана.

Цель настоящего аналитического обзора – систематизация и критический анализ исследовательских планов, используемых в экспериментальных исследованиях, сопоставляющих обыденные моральные суждения о войне с нормативными моделями, а также выявление того, как различия в исследовательских планах влияют на выводы о детерминантах обыденных суждений. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи: дается концептуализация феномена обыденных моральных суждений о войнах как предмета исследований и описывается его соотношение с нормативными моделями; предлагается типология исследовательских планов, используемых в экспериментальных работах; на основе типологии описывается зависимость выявленных исследователями характеристик обыденных суждений от типа исследовательского плана; выявляются методологические ограничения существующих работ и намечаются пути их преодоления.

Обыденные моральные суждения и их связь с нормативными моделями

В данном разделе мы дадим социологическую концептуализацию обыденных моральных суждений, а также кратко охарактеризуем нормативные модели (международное гуманитарное право и теория справедливой войны) как объект сравнения, поставив вопрос о характере их соотношения. Описав ключевые концепты, мы перейдем к следующей части статьи – обзору ключевых исследований обыденных моральных суждений.

В социологии морали, восходящей к работам Эмиля Дюркгейма, моральные феномены рассматриваются не как абстрактные философские конструкции, а как социальные факты – разделяемые членами сообщества представления о должном, обладающие принудительной силой и укорененные в коллективных практиках [13]. Развивая эту традицию, современные исследователи проводят различие между нормативными этическими теориями (философскими доктринами о том, какой мораль должна быть) и обыденными моральными суждениями – теми имплицитными оценочными схемами, которые люди фактически используют в повседневной жизни при оценке действий [14; 15]. Именно обыденные моральные суждения выступают объектом нашего исследования.

Мы концептуализируем обыденные моральные суждения о войнах как контекстно-зависимые убеждения обычных людей о моральности войн, формирующиеся под влиянием множества разнородных факторов. К ним относятся когнитивные процессы интуитивного и рационального характера [3; 16]; аффективные реакции и моральные эмоции, способные предшествовать рациональному обоснованию [14]; групповая идентичность и связанные с ней основания лояльности [17; 18]; культурные представления и нарративные ресурсы, доступные носителям конкретных традиций [3; 19]; а также индивидуально-биографический опыт,

в том числе опыт столкновения с насилием [20]. Приведенный перечень не претендует на исчерпывающий характер, но позволяет обозначить гетерогенную природу детерминант, делающую обыденные суждения принципиально несводимыми к какому-либо одному источнику и обуславливающую их внутреннюю сложность. Обладая определенной устойчивостью по отношению к публичному дискурсу [5; 19], обыденные моральные суждения выполняют функцию классификации мира с точки зрения обывателя. Моральные суждения представляют собой реактивный когнитивный процесс, запускаемый событиями, которые маркируются как отклонение от ожидаемого нормативного порядка [21; 14]. Таким образом, обыденные моральные суждения носят реактивный характер, актуализируясь в ситуациях, требующих моральной квалификации.

Как и понятие общественного мнения, понятие обыденных моральных суждений относится к высказываниям обычных людей, причём оба явления, как показывают исследования эффектов вординга и «сплочения вокруг флага», в контексте войн демонстрируют контекстную чувствительность [4; 5]. Различие лежит в исследовательской рамке и связанном с ней методическом инструментарии. Опросные исследования общественного мнения ориентированы на фиксацию агрегированных распределений ответов на стандартизированные вопросы, что диктует их ключевое ограничение в контексте войн – неприспособленность к реконструкции детерминант и логики суждения. Подход исследований обыденных моральных суждений, напротив, ставит в фокус именно эти характеристики: контекстную зависимость, внутреннюю противоречивость, не сводимую к статистическим распределениям [21]. Соответственно, в этой рамке используются методы, позволяющие исследовать структуру и логику суждений, а не их распределение, такие как эксперимент и техника виньеток.

Одним из распространенных подходов для исследования обыденных суждений на тему морали является их сопоставление

с нормативными моделями – институционально или дискурсивно закрепленными системами моральных принципов (философскими, этическими, религиозными, профессиональными). Эксплицитные нормативные модели и имплицитные теории обычных людей связаны между собой: содержание интуитивных оценок, выносимых людьми без обращения к нормативным теориям, систематически совпадает с принципами, сформулированными в рамках этих теорий [22; 23; 24]. Механизм этого совпадения это не рациональное выведение суждения, а общий источник: философско-правовые нормативные теории исторически возникли как эксплицитная систематизация тех же моральных паттернов, которые существуют в обыденном сознании в имплицитной форме [23; 25]. Нормативные модели имеют практическое измерение: они служат дискурсивным обоснованием правовых норм и политических решений, транслируются через публичный дискурс и тем самым становятся частью культурного контекста [8; 10]. Вместе с тем, обыденные моральные суждения могут не совпадать с предписаниями нормативных моделей [14]. Эмпирические исследования справедливости [26] и восприятия на разных уровнях социальной реальности [27] указывают, что обыденные суждения имеют свою собственную логику (например, основанную на заслугах или нуждаемости), которая может конфликтовать с философскими моральными принципами [18]. Именно наличие расхождений и взаимного влияния [15] делает релевантным обращение к нормативным моделям для исследования обыденных суждений, позволяя исследователям выявлять их специфические характеристики. Вместе с тем, задача исследований не оценивать «компетентность» этих суждений с точки зрения философской этики, а выявлять их структуру, характеристики и закономерности функционирования.

В эмпирических исследованиях обыденных суждений о войнах ученые обращаются к международному гуманитарному праву как к нормативной системе, задающей критерии допустимого поведения в военных конфликтах. Обращение к междуна-

родному праву обусловлено несколькими причинами. Во-первых, его положения (неприкосновенность гражданских лиц и военнопленных, запрет на применение ядерного оружия) можно операционализировать в экспериментальных виньетках [17; 28]. Во-вторых, отдельные нормы международного права транслируются через СМИ, образование и политические нарративы, что делает их потенциально знакомыми обычным людям даже при отсутствии специальных знаний [8]. Вместе с тем, исследователи не ограничиваются сугубо правовыми формулировками и нередко обращаются к этическим теориям, лежащим в основе международного права, в первую очередь к теории справедливой войны. Эта теория, восходящая к работам античных и средневековых мыслителей (Аристотель, Августин, Фома Аквинский) и развитая в современных исследованиях [29; 30], предлагает более широкую нормативную рамку, включающую как критерии справедливого вступления в войну (*jus ad bellum*), так и принципы ее ведения (*jus in bello*). Политики активно используют заимствованную из теории справедливой войны терминологию («гуманитарная интервенция», «право на самооборону») для мобилизации поддержки [10; 8], что также делает эту теорию частью публичного дискурса, потенциально доступного обыденному сознанию. В зависимости от исследовательских задач ученые могут сопоставлять обыденные суждения как с конкретными правовыми нормами (например, с запретом на нападения на гражданских лиц), так и с более общими моральными принципами, вытекающими из теории справедливой войны (например, с идеей морального равенства комбатантов).

Таким образом, перед исследователями встает вопрос: совпадают ли интуиции обычных людей с предписаниями международного права и этических теорий? Если нет, то какие факторы оказываются более значимыми? Именно эти вопросы находятся в фокусе экспериментальных работ, рассматриваемых в данном обзоре [28; 11; 31; 6; 32; 17].

Типология исследовательских планов в экспериментальных исследованиях

В данном разделе мы охарактеризуем общую логику экспериментального подхода в изучаемой области, а также предложим типологию исследовательских планов по четырем ключевым параметрам: объект оценки, степень реалистичности виньеток, способы варьирования независимых переменных и специфика работы с нормативными моделями.

Доминирующим подходом в исследовании обыденных моральных суждений о войне является использование экспериментального подхода и техники виньеток для оценки моральной оправданности различных гипотетических ситуаций с точки зрения обычных людей. Исследователи предлагают респондентам описания (виньетки) гипотетических ситуаций военных конфликтов для оценки действий ключевых акторов (чаще всего государств-инициаторов войн) этих ситуаций [28; 11; 31; 33; 6]. Систематически варьируя условия в этих описаниях, исследователи оценивают влияние различных факторов на эти оценки. Исследования фокусируются на ряде ключевых тем: моральное поведение на войне, ядерное табу и условия его нарушения, моральное равенство комбатантов, соотношение рационального и морального в оценке допустимости военных конфликтов. Следует отметить, что большинство из исследований зачастую затрагивают широкий ряд тем, а не фокусируются на какой-то одной. Чаще всего количественные выборки в этих исследованиях репрезентируют население стран, активно вовлеченных в дискурсы о национальной безопасности – Израиля [17], Великобритании [34] и США [12; 35].

Ниже нами предложена типология планов исследований по ряду параметров: объект оценки, степень реалистичности описаний, способы варьирования переменных и специфика работы с нормативными моделями. Выделенные параметры не явля-

ются произвольными: каждый из них непосредственно связан с возможными источниками вариации в ответах респондентов в разных исследованиях. Параметры выступают как независимые измерения: одна и та же работа фигурирует в разных строках таблицы, отражая комбинацию её дизайнерских характеристик. Полнота типологии обеспечивается тем, что выделенные категории охватывают все встречающиеся в проанализированном корпусе дизайны. Взаимоисключаемость обеспечивается тем, что внутри каждого параметра категории определены через несовместимые признаки. Некоторые работы представляют результаты нескольких полевых исследований [17; 36], что обуславливает их упоминание в нескольких категориях одних и тех же параметров. Как будет показано в следующем разделе, различия в исследовательских планах оказывают влияние на результаты исследований и выводы исследователей относительно характеристик обыденных суждений, что значимо для корректной интерпретации и сопоставления выводов работ на эту тему.

Таблица 1

ТИПОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПЛАНОВ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЫДЕННЫХ
МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ О ВОЙНЕ

Параметр	Категория	Эмпирические исследования
Объект оценки	Собственная страна vs. реальное государство	[6]; [11]; [28]; [34]; [36]
	Собственная страна vs. вымышленное государство	[12]; [33]; [35]; [17]; [36]
	Исключительно вымышленные/ абстрактные стороны	[31]; [36]

Параметр	Категория	Эмпирические исследования
Степень реалистичности сценария	Высокая (реальные страны, актуальные события)	[11]; [28]; [34]; [6]; [36]; [17]
	Низкая (абстрактные обозначения, отсутствие исторических отсылок)	[12]; [31]; [33]; [35]; [36]; [17]
Способ предъявления условий	Межгрупповой план	[11]; [28]; [31]; [33]; [6]; [34]; [36]
	Внутригрупповой план	[17]; [35]; [36]
Роль нормативных моделей	Эталон для сравнения	[11]; [28]; [31]; [17]; [34]
	Варьируемое условие	[6]; [12]; [35]; [33]; [36]
	Фон для описания	[33]; [36]

Одним из ключевых параметров, определяющих конструкцию эксперимента, выступает объект моральной оценки – чьи именно действия и относительно кого предстоит оценивать респондентам. Наиболее распространены эксперименты, которые предлагают респондентам оценить действия собственной страны в гипотетическом или исторически окрашенном конфликте с другой реальной страной [11; 6]. Другой тип экспериментов – когда респондентам предлагается оценить действия собственной страны в конфликте с вымышленным государством [12; 35; 33]. Менее всего распространены сценарии с участием исключительно вымышленных стран, лишенных какой-либо привязки к реальным политическим акторам [31; 36]. Внутри данного параметра выделенные категории являются взаимоисключающими: каждый конкретный исследовательский план однозначно квалифицируется по признакам наличия или отсутствия в сценарии собственной страны респондента и реалистич-

ности или вымышленности противника. Полнота категорий обеспечена тем, что они покрывают все типы конфигураций, представленные в рассмотренном корпусе литературы. Таким образом, в рамках исследовательских планов варьируется объект оценки, что, как будет показано далее, оказывает значимое влияние на результаты оценивания.

Другим значимым измерением, по которому различаются экспериментальные исследования, является степень реалистичности описываемого конфликта. Многие эксперименты максимально приближены к актуальной политической повестке: в них фигурируют реальные страны и события, например угроза ядерного удара США по Ирану [28; 34]. Меньшее число работ используют абстрактные описания, где страны обозначены нейтрально, а конфликт лишен исторических отсылок [33; 35]. В некоторых случаях исследователи намеренно проводят ряд экспериментов с разным уровнем реалистичности описываемых событий [17]. Классификация по этому параметру строится на ключевом признаке: присутствуют ли в сценарии конкретные названия реальных государств и/или отсылки к актуальным событиям. Это обеспечивает взаимоисключаемость категорий: каждое исследование однозначно относится к высокореалистичному или низкореалистичному. Выделенные категории покрывают весь наблюдаемый в рассмотренном корпусе работ диапазон. Таким образом, исследователи используют как дизайны с преимущественно абстрактными и отдаленными от реальности описаниями, так и предельно приближенными к ней.

Помимо содержательных характеристик сценария, исследования различаются по способу предъявления экспериментальных условий респондентам. В межгрупповом плане разные группы респондентов получают разные версии виньетки: например, одна группа оценивает сценарий с ядерным ударом по военной базе, другая с ударом по городу [28; 11]. Это позволяет изолированно оценить влияние каждого фактора, исключая эффекты

повтора, но требует больших выборок. В внутригрупповом плане один и тот же респондент последовательно оценивает несколько сценариев, которые как могут включать в себя нарушение международного права, так могут и не включать его [35; 17]. Такой подход позволяет контролировать индивидуальные различия и увеличивает статистическую мощность при меньших выборках, однако создает риск эффектов порядка, когда предыдущие оценки влияют на последующие. Данный параметр соответствует стандартному методологическому разграничению между межгрупповыми и внутригрупповыми дизайнами. Каждый из этих типов однозначно определяется на основании одного признака, что обеспечивает взаимоисключаемость категорий. Полнота параметра обеспечена тем, что он покрывает все логически возможные решения в рамках классической логики экспериментального плана. Таким образом, исследования предлагают разную логику предъявления виньеток, что также может оказывать влияние на получаемые ответы.

Наконец, важным параметром плана выступает роль, отводимая в эксперименте нормативным моделям – теории справедливой войны и международному праву. В ряде исследований они выступают как эталон для сравнения: исследователи проверяют, соответствуют ли обыденные суждения нормативным предписаниям, например, спрашивая респондентов, считают ли они допустимыми действия, нарушающие принцип неприкосновенности гражданских лиц или идею морального равенства комбатантов [31; 17]. В таких экспериментах зачастую условием нарушения принципов нормативных моделей является успех в военной операции, либо сохранение жизней соотечественников. В иных исследованиях элементы теории справедливой войны и международного права включаются в виньетки как часть описания либо варьируемое условие, а фокус исследования смещается на иные детерминанты, такие как ретрибутивные установки, партийную принадлежность или инструментальные соображения [33; 6; 28].

Взаимоисключаемость категорий определяется вопросом «является ли предъявление/непредъявление нормативной информации намеренным варьированием условий». Полнота категорий обеспечена тем, что они покрывают все функциональные решения, зафиксированные в рассмотренном корпусе.

Предложенная типология задает аналитическую рамку для рассмотрения результатов: она позволяет зафиксировать, как декларируемые результаты исследований обыденных моральных суждений о войнах зависят от параметров исследовательских планов, чему посвящен следующий раздел.

*Связь противоречий в результатах
исследований обыденных моральных суждений
с типами исследовательских планов:
критический анализ*

Предложенная типология исследовательских планов позволяет выдвинуть объяснения противоречий в результатах экспериментальных работ, сопоставляющих обыденные моральные суждения о войне с нормативными моделями. Поскольку настоящий обзор является аналитическим, а не систематическим, и не сопровождается метаанализом количественных эффектов, обнаруживаемые соответствия между параметрами исследовательских планов и характеристиками фиксируемых суждений следует трактовать как гипотезы. Эти гипотезы опираются на содержательную логику типологии и на сопоставление результатов рассмотренных работ. Выводы исследований, касающиеся приверженности нормам международного права, выраженности ретрибутивизма, соотношения деонтологической и консеквенциалистской логик, а также степени партикуляризма, могут меняться в зависимости от описанных выше параметров исследовательских планов. При этом одни характеристики

выступают как устойчивые предикторы, сила влияния которых варьируется в зависимости от плана; другие как вариативные характеристики, чувствительные к конкретным методическим решениям.

Приверженность нормам гуманитарного права и положениям теории справедливой войны, фиксируемая в экспериментах, предположительно зависит от параметров исследовательского плана. Сама по себе интернализация этих норм подтверждается тем, что даже не информированные о праве респонденты склонны их придерживаться [12], однако степень этой приверженности варьируется. Выводы исследований относительно приверженности обычных людей нормам гуманитарного права могут зависеть от способа предъявления условий: в внутригрупповых дизайнах, где респондент последовательно оценивает несколько сценариев и получает правовую справку, знание о том, что действие является военным преступлением, значительно снижает его одобрение [35; 6]. В межгрупповых планах, где правовая информация отсутствует, исследователи чаще фиксируют готовность обычных людей нарушать нормы [11]. Также значима роль, отводимая нормативным моделям в дизайне эксперимента. В исследованиях, где международное право и теория справедливой войны выступают преимущественно как эталон для сравнения, исследователи чаще фиксируют исключительно степень расхождения обыденных суждений с нормативными предписаниями [11]. Когда же нормы включаются в дизайн как варьируемое условие (например, информация о правовом статусе действия присутствует в одних версиях виньетки и отсутствует в других), их влияние опосредуется дополнительными факторами [35]. Также может сказываться объект оценки: в экспериментах, где фигурирует собственная страна, исследователи чаще фиксируют готовность нарушать нормы ради «своих», тогда как в сценариях с вымышленными акторами приверженность нормам, напротив, возрастает [12; 31]. Также, предполо-

Таблица 2
ГИПОТЕЗЫ О ВЛИЯНИИ ПАРАМЕТРОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПЛАНОВ
НА ФИКСИРУЕМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЫДЕННЫХ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ
(НА ОСНОВАНИИ СОПОСТАВЛЕНИЯ РАССМОТРЕННЫХ РАБОТ)

Характеристика суждений	Объект оценки	Степень реалистичности	Способ предъявления условий	Роль нормативных моделей
Приверженность нормам международного гуманитарного права	Снижается при оценке действий собственной страны [11; 28; 6]; повышается в сценариях с вымышленными сторонами [12; 31]	Выше при низкой реалистичности [12; 31]	Усиливается во внутригрупповых дизайнах с правовой справкой [35; 17; 6]	Видимое расхождение усиливается, когда модели эталон [11; 28]; ослабевает, когда нормы выступают варьиремым условием и тестируются их триггеры [6; 35; 12]
Партикуляризм	Максимален при оценке действий собственной страны [11; 6; 28]; ослаблен при оценке вымышленных сторон [31; 35]	Усиливается в реалистичных сценариях [11; 28; 6]; ослаблен в абстрактных [31; 35]	Слабо чувствителен или не проверялся, фиксируется устойчиво [11; 28; 33]	Проявляется при любой роли моделей [6; 11; 28]

Окончание табл. 2

Характеристика суждений	Объект оценки	Степень реалистичности	Способ предъявления условий	Роль нормативных моделей
Ретрибутивизм	Смягчается в отношении соотечественников [17; 28]; жестче по отношению к реальным противникам [11]; еще жестче в отношении вымышленных «несправедливых» сторон [31; 36]	Жестче в абстрактных сценариях [31]; смягчается в реалистичных с участием своей страны [17; 28]	Слабо чувствителен или не проверялся	Усиливается, когда «справедливость» включена в виньетку как варьируемое условие [31; 17]
Деонтологизм vs. konsekвенциализм	Сдвиг к konsekвенциализму при оценке своей страны [28; 6; 11]	Сдвиг к konsekвенциализму в реалистичных сценариях [28; 34; 17]; деонтологические установки преобладают в абстрактных [12; 36]	Слабо чувствителен или не проверялся	Сдвиг к деонтологизму при использовании моделей как эталона [31]; сдвиг к konsekвенциализму при варьируемом диалогичном инструментарии [12; 33]

жительно, значима степень реалистичности сценария: в описаниях, лишённых реального контекста, нормы международного гуманитарного права поддерживаются устойчивее [33; 35], даже когда речь идет об оценке действий собственной и вполне реальной страны. Таким образом, поддержка гуманитарного права не является константой: будучи в целом интернализированной, она предположительно может проявляться или ослабевать в зависимости от того, как именно сконструирован исследовательский план.

Важным предиктором обыденных моральных суждений о войнах выступает партикуляризм – глубокая асимметрия в моральной оценке «своих» и «чужих». Примечательно, что партикуляризм является единственной из рассматриваемых характеристик, практически нечувствительной к таким параметрам плана как способ предъявления условий и роль нормативных моделей: он фиксируется устойчиво вне зависимости от того, используется ли межгрупповой или внутригрупповой дизайн [11; 28; 31], и проявляется при любой функции нормативных моделей в эксперименте [6; 11; 28]. Однако сила его проявления предположительно может зависеть от иных характеристик исследовательского плана. В экспериментах, где респонденты оценивают реалистичные сценарии в актуальном геополитическом контексте партикуляризм выражен сильнее: американцы готовы жертвовать жизнями чужих мирных жителей ради снижения потерь среди своих солдат [11; 6] и даже предпочитают ядерный удар по столице противника дипломатическому решению, если это позволит избежать неуспеха военной операции [28]. Напротив, в сценариях с участием вымышленных государств (в том числе в роли оппонентов своей страны), лишённых исторических и культурных коннотаций, партикуляристские установки ослабевают: успех военной операции перестает доминировать над соображениями о ценности человеческой жизни, а суждения тяготеют к универалистским принципам [35; 33]. Таким образом,

партикуляризм выступает устойчивым предиктором, но его сила предположительно может быть результатом не только самой установки, но и того, в каком контексте делается оценка.

Для обыденных суждений на тему войн в целом характерен ретрибутивизм – идея, согласно которой лучшим ответом на преступление является сопоставимое по размеру наказание; вместе с тем, степень ретрибутивизма может зависеть от характеристик исследовательского плана. Ретрибутивизм это не просто месть, а стремление к восстановлению морального баланса, который нарушен несправедливой войной. Оценка справедливости цели войны служит ярлыком, который модулирует оценку всех последующих действий. Обычные люди чаще считали действия солдат этичными, если те сражались за справедливую причину, чем за несправедливую, даже если их поведение на поле боя было идентичным [17; 31; 32]. Вместе с тем солдаты, сражающиеся на «несправедливой» стороне, считались заслуживающими тюремного наказания и даже казни даже за простое участие в войне [31]. Проявление ретрибутивизма может быть чувствительно к степени реалистичности сценария и объекту оценки (идет ли речь о своей, или о чужой стране). В абстрактных гипотетических сценариях с участием вымышленных стран исследователи чаще фиксируют жесткую ретрибутивную логику [31]. В реалистичных сценариях в актуальном контексте с участием реальных стран ретрибутивизм по отношению к противнику ослабевает [11]. В сценариях же, где предлагается оценка действий собственной страны, ретрибутивные реакции могут смягчаться, что, вероятно, связано с партикуляризмом [17]. Таким образом, степень ретрибутивизма в обыденных моральных суждениях предположительно варьируется в зависимости от степени реалистичности сценария и объекта оценки, что необходимо учитывать при интерпретации результатов.

В исследованиях фиксируются противоречивые данные относительно того, какая моральная логика, деонтологическая

или консеквенциалистская, доминирует у респондентов. Это противоречие может объясняться различиями в исследовательских планах. В абстрактных сценариях, где респонденты оценивают гипотетические ситуации, исследователями чаще выявляются деонтологические установки: нормы поддерживаются «в принципе», а инструментальные соображения играют менее значимую роль [36; 12]. Напротив, в реалистичных сценариях, когда речь идет о действиях собственной страны, на первый план выходит консеквенциалистская логика: респонденты готовы жертвовать нормами ради таких целей как сохранение жизней соотечественников [28; 34; 17]. Когда нормативные модели используются как эталон для сравнения, логика дизайна фокусирует суждение на принципах, что смещает ответы в деонтологическую сторону [31]; напротив, когда дизайн варьирует инструментальные условия (потери, военные успехи), на первый план выходит консеквенциалистская логика оценки [12; 33]. Таким образом, фиксируемое соотношение деонтологических и консеквенциалистских ориентаций предположительно зависит от того, насколько конкретен и эмоционально насыщен предложенный сценарий.

Анализ показывает, что выделяемые в литературе характеристики обыденных суждений о войне – партикуляризм, ретрибутивизм, условная поддержка норм, смешение деонтологической и консеквенциалистской логик – не являются неизменными свойствами обыденной морали. Их выраженность и даже направленность может зависеть от параметров исследовательского плана: объекта оценки, степени реалистичности сценария, способа предъявления условий и роли нормативных моделей. Именно эта зависимость может объяснить многие противоречия в выводах экспериментальных работ. Тем самым анализ исследовательских планов позволяет перейти от констатации фрагментарности поля к пониманию ее причин.

Методологические возможности и границы исследований экспериментального подхода

Опираясь на предложенную типологию, в данном разделе мы рассмотрим, какие возможности дает экспериментальный подход для изучения обыденных моральных суждений о войне и с какими ограничениями он сталкивается.

Экспериментальный подход позволяет систематически выявлять и классифицировать сходства и расхождения обыденной морали и этических теорий, а также ставить вопрос об их детерминантах. Систематическая вариация условий в виньетках позволяет исследовать изолированное влияние конкретных факторов. Именно так, например, установлена доминирующая роль партикуляризма над нормативными принципами, выявлена сила ретрибутивизма, показана контекстная природа следования нормам гуманитарного права [28; 11; 31]. Таким образом, основной вклад исследований с экспериментальным подходом заключается в их эмпирическом подтверждении и точном измерении силы воздействия детерминант обыденных суждений.

Кроме того, экспериментальный подход позволяет раскрыть сложное взаимодействие детерминант обыденных суждений. Экспериментальный подход позволяет выйти за рамки простых корреляций и показать, как одни факторы модулируют действие других. Использование данного подхода позволило верифицировать существование устойчивой структуры суждений, в которой различные характеристики обыденных суждений, такие как партикуляризм и ретрибутивизм, образуют иерархическую систему. Данные демонстрируют, например, что воспринимаемая справедливость причины войны (ретрибутивизм) служит «моральной индульгенцией», ослабляющей действие норм в отношении противника [32]. Это указывает на способность метода реконструировать логику обыденного мышления, показывая, как в конкретных суждениях сочетаются разные, порой противоречивые, моральные принципы.

Вместе с тем, несмотря на очевидные достоинства экспериментального подхода в исследовании моральных суждений о войнах, можно выделить и ряд ограничений таких исследований. Опираясь на предложенную нами типологию исследовательских планов, мы покажем, что многие из этих ограничений не случайны, а закономерно связаны с конкретными параметрами исследовательских планов.

В большинстве исследований нормативные модели (международное гуманитарное право и теория справедливой войны) вводятся в дизайн прежде всего как эталон для сравнения, что задает асимметричную оптику: в фокусе оказываются отклонения обыденных суждений от нормативных предписаний, тогда как зоны интуитивной поддержки этих норм остаются в тени. Причина подобной оптики может заключаться в том числе в искаженном восприятии нормативных моделей как стандарта для оценки моральности обыденных оценок. Поскольку нормативные теории сложились как эксплицитная систематизация тех же моральных паттернов, которые существуют в обыденном сознании в имплицитной форме [23; 25], расхождения между обыденной моралью и нормативными моделями может трактоваться не как свидетельство «отклонения» обыденной морали от желательного стандарта (как это рассматривается в некоторых исследованиях [6]), а указывать на частичность нормативных моделей, не охватывающих факторы, чувствительные для реального морального опыта.

Фокус на различиях и рассмотрение нормативных моделей как стандарта не только создает искаженное представление о тотальной оппозиции обыденной морали и права, но и способствует недорефлексированности «фоновых» параметров эксперимента – степени реалистичности сценария, объекта оценки, способа предъявления условий. Поскольку эти параметры сами по себе не являются предметом изучения, их вариации воспринимаются как технические детали, хотя, как показано в пред-

ложенной типологии, именно они систематически модулируют силу проявления партикуляризма, ретрибутивизма и соотношения деонтологической и консеквенциалистской логики. Таким образом, существующий фокус создает несколько искаженную картину тотальной оппозиции суждений обычных людей и гуманитарного права и препятствует рефлексии влияния «фоновых» характеристик планов.

Несмотря на возможность четко верифицировать влияние выделенных детерминант, исследования обыденных моральных суждений о войнах с экспериментальным подходом не предназначены для индуктивного выявления новых факторов и не дают доступа к субъективным смыслам, которые придают респонденты своим оценкам. На суждения о морали войны влияют устойчивые индивидуальные установки [33] и культурные ресурсы, отличные в разных контекстах [19] – факторы, которые остаются за рамками экспериментального дизайна. Более того, исследования, ограничивающиеся экспериментальным подходом, как правило, фиксируют наличие тех или иных характеристик обыденных суждений (например, расхождения с нормами международного права), но не объясняют причин их возникновения. В отличие от них, работы, использующие смешанные стратегии, способны выявлять более сложные взаимосвязи – в частности, показывать, как одобрение нарушения гуманитарного права связано с восприятием противника [28]. Таким образом, опора исключительно на экспериментальный метод сужает объяснительные возможности исследования и ограничивает понимание факторов, формирующих обыденные моральные суждения о войне.

Еще одно системное ограничение экспериментального подхода в исследовании обыденных моральных суждений о войнах касается экологической валидности гипотетических сценариев и генерализуемости полученных результатов за пределы лабораторных условий и ограниченного культурного контекста. Суждения о гипотетических сценариях могут отличаться от тех, что

формируются в условиях реального конфликта: абстрактные и реалистичные виньетки активируют разные механизмы морального оценивания, а испытуемые могут давать социально ожидаемые ответы или, наоборот, хуже контролировать свои импульсы в абстрактной ситуации [31]. В реальности люди принимают решения в условиях информационной перегрузки, эмоционального стресса и группового давления [37], что не всегда улавливается чистым экспериментальным подходом. Влияние группового давления, в частности, уже продемонстрировано на примере отношения к нарушению законов войны [6]. К этому добавляется проблема ограниченного характера выборок: большинство исследований базируется на американских респондентах и привязано к американскому историческому контексту, что описывает прежде всего решения граждан США в ситуациях, актуальных для американских военных операций [28; 6].

Таким образом, часть ограничений описываемых исследований, такие как фокус на расхождениях с нормативными моделями и ограниченность культурного контекста, закономерно вытекают из параметров исследовательских планов, выделенных в предложенной типологии. Другие ограничения, такие как неспособность экспериментального подхода индуктивно выявлять новые факторы и интерпретировать субъективные смыслы, а также проблема экологической валидности, укоренены в природе самого метода и не могут быть преодолены исключительно за счет варьирования параметров исследовательских планов. Возможные пути преодоления описываемых ограничений будут подробнее рассмотрены в выводах.

Выводы

Экспериментальные исследования обыденных моральных суждений о войне, несмотря на дисциплинарную и методическую разрозненность, могут быть систематизированы через типоло-

гию исследовательских планов, охватывающую объект оценки, степень реалистичности сценария, способ предъявления условий и роль нормативных моделей. На основании сопоставления результатов рассмотренных работ мы выдвигаем гипотезу о том, что фиксируемые характеристики обыденных суждений (приверженность нормам гуманитарного права, партикуляризм, ретрибутивизм и баланс деонтологической и консеквенциалистской логик) не являются устойчивыми свойствами обыденной морали, а систематически модулируются параметрами исследовательского плана. Этот тезис носит характер обоснованной гипотезы, и его проверка требует систематического обзора с метаанализом количественных эффектов. Нами выявлены ограничения экспериментального подхода, такие как асимметричная оптика „расхождений“, ограниченная объяснительная способность относительно субъективных смыслов и культурных ресурсов, низкая экологическая валидность и узость культурной базы выборок.

Преодоление выявленных методологических ограничений видится на пути обращения к альтернативным и смешанным исследовательским подходам. Так, ограниченная объяснительная сила экспериментального подхода в трактовке причин обнаруженных расхождений требует активного заимствования концептуального аппарата и гипотез из области моральной психологии [3; 16], изучающей когнитивные и аффективные основы моральных оценок. Ограниченность экспериментального подхода в выявлении новых детерминант обыденных суждений может быть компенсирована использованием качественных методов и индуктивного анализа, направленных на реконструкцию культурных ресурсов и имплицитных логик обоснования [20; 7; 19]. Расширение кросс-культурной базы исследований за счёт межкультурных сравнений и обращения к разнообразным выборкам позволит выявить универсальные характеристики обыденных суждений о морали в войнах [36; 9] за пределами конкретных культурных контекстов. Наконец, проблема искусственности

и оторванности гипотетических сценариев от реальности требует смещения фокуса на изучение суждений непосредственных участников и свидетелей военных конфликтов, чей опыт представляет уникальный материал для анализа моральных дилемм в условиях экстремального стресса и ответственности [38].

Таким образом, проведенный анализ не только вносит вклад в систематизацию и осмысление развивающейся области исследований, но и намечает конкретные пути ее методологического обогащения. Дальнейший прогресс в этой области связан с методологическим плюрализмом и готовностью к интеграции разнообразных исследовательских перспектив, что позволит преодолеть существующие объяснительные тупики и построить более полную модель формирования обыденных моральных суждений о войне. Понимание того, как обычные люди осмысляют моральность войн, имеет прямое практическое значение: оно позволяет прогнозировать общественную поддержку или сопротивление военным операциям, выявлять зоны потенциального конфликта между общественным мнением и международно-правовыми обязательствами, а также корректировать стратегии легитимации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гроций Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Пер. с лат. А. Л. Саккетти; под общ. ред. С. Б. Крылова. Репринт. воспроизведение изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с. ISBN 5-86218-149-0.
2. *Милль Д. С.* Несколько слов о невмешательстве / Пер. с англ. А. Куманькова, Д. Чагановой // Социологическое обозрение. 2020, т. 19, № 3. С. 281–299. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-281-299. EDN: HCLSEY.
3. *Watkins H. M.* The Morality of War: A Review and Research Agenda // Perspectives on Psychological Science. 2020, vol. 15, № 2. P. 231–249. DOI: 10.1177/1745691619885872.
4. *Baum M. A., Groeling T.* Reality asserts itself: Public opinion on Iraq and the elasticity of reality // International Organization. 2010, vol. 64, № 3. P. 443–479. DOI: 10.1017/S0020818310000172.

5. *Bloch-Elkon Y.* Studying the media, public opinion, and foreign policy in international crises: The United States and the Bosnian crisis, 1992–1995 // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 2007, vol. 12, № 4. P. 20–51. DOI: 10.1177/1081180X07307184.
6. *Carpenter C., Montgomery A. H., Nylen A.* Breaking Bad? How Survey Experiments Prime Americans for War Crimes // *Perspectives on Politics*. 2021, vol. 19, № 3. P. 912–924. DOI: 10.1017/S1537592720002376.
7. *Smith P.* Codes and conflict: Toward a theory of war as ritual // *Theory and Society*. 1991, vol. 20, № 1. P. 103–138. DOI: 10.1007/BF00160735.
8. *Maxey S.* The Power of Humanitarian Narratives: A Domestic Coalition Theory of Justifications for Military Action // *Political Research Quarterly*. 2020, vol. 73, № 3. P. 680–695. DOI: 10.1177/1065912919852169.
9. *Stein R. M.* War and Revenge: Explaining Conflict Initiation by Democracies // *American Political Science Review*. 2015, vol. 109, № 3. P. 556–573. DOI: 10.1017/s0003055415000301.
10. *Cooper Drury A., Marvin Overby L., Ang A., Yitan Li.* “Pretty Prudent” or Rhetorically Responsive? The American Public’s Support for Military Action // *Political Research Quarterly*. 2010, vol. 63, № 1. P. 83–96. DOI: 10.1177/1065912908327230.
11. *Sagan S. D., Valentino B. A.* Not Just a War Theory: American Public Opinion on Ethics in Combat // *International Studies Quarterly*. 2018, vol. 62, № 3. P. 548–561. DOI: 10.1093/isq/sqy033.
12. *Dill J., Schubiger L. I.* Attitudes toward the Use of Force: Instrumental Imperatives, Moral Principles, and International Law // *American Journal of Political Science*. 2021, vol. 65, № 3. P. 612–633. DOI: 10.1111/ajps.12635.
13. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с. ISBN 978-5-88873-036-1.
14. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological Review*. 2001, vol. 108, № 4. P. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295x.108.4.814.
15. *Брукмайер К.* Реконфигурация форм обыденного и научного знания об обществе: дискурс трансдисциплинарности // *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: монография* / Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 121–146.
16. *Guglielmo S.* Moral judgment as information processing: An integrative review // *Frontiers in Psychology*. 2015, vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01637.
17. *Benbaji Y., Falk A., Feldman Y.* Commonsense Morality and the Ethics of Killing in War: An Experimental Survey of the Israeli Population (SSRN Scholarly Paper 2094022) // *Social Science Research Network*, 2014. DOI: 10.2139/ssrn.2094022.

18. *Graham J., Haidt J., Nosek B. A.* Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009, vol. 96, № 5. P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.

19. *Гаджиев А., Даутова Т. Е.* Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989) // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2025, т. 17, № 1. С. 42–62. DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3.

20. *Bourke J.* *An Intimate History of Killing: Face to Face Killing in Twentieth Century Warfare*. New York: Basic Books, 2010. 509 p.

21. *Malle B. F.* Moral Judgments // *Annual Review of Psychology*. 2021, vol. 72. P. 293–318. DOI: 10.1146/annurev-psych-072220-104358.

22. *Cushman F., Young L., Hauser M.* The Role of Conscious Reasoning and Intuition in Moral Judgment: Testing Three Principles of Harm // *Psychological Science*. 2006, vol. 17, № 12. P. 1082–1089. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x.

23. *Mikhail J.* *Elements of Moral Cognition: Rawls' Linguistic Analogy and the Cognitive Science of Moral and Legal Judgment*. Cambridge University Press, 2011. 432 p. ISBN 9781107377165.

24. *Experimental Philosophy* / ed. by J. Knobe, S. Nichols Oxford University Press, 2008. 244 p. ISBN 978-0195323269.

25. *Hauser M. D.* *Moral Minds: How Nature Designed Our Universal Sense of Right and Wrong*. Ecco/HarperCollins, 2006. 512 p. ISBN 978-0060780708.

26. *Konow J.* Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories // *Journal of Economic Literature*. 2003, vol. 41, № 4. P. 1188–1239. DOI: 10.1257/002205103771800013.

27. *Девятко И. Ф.* О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*. 2009, № 29. С. 10–29. EDN: KNOYLR.

28. *Sagan S. D., Valentino B. A.* Revisiting Hiroshima in Iran: What Americans Really Think about Using Nuclear Weapons and Killing Noncombatants // *International Security*. 2017, vol. 42, № 1. P. 41–79. DOI: 10.1162/ISEC_a_00284.

29. *Walzer M.* *Arguing about War*. New Haven & London: Yale University, 2006. 208 p. ISBN 978-0300109788.

30. *Cuce X.* *Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах* / Пер. с норв. М.: Весь Мир, 2007. 176 с. ISBN 978-5-7777-0379-8.

31. *Sagan S. D., Valentino B. A.* Just War and Unjust Soldiers: American Public Opinion on the Moral Equality of Combatants // *Ethics & International Affairs*. 2019, vol. 33, № 4. P. 411–444. DOI: 10.1017/S0892679419000431.

32. *Do Moral Judgments of War Support the Principle of Combatant Equality? What Empirical Studies Tells Us A Moral Psychology Study of Just War Theory* // *Just*

Security [site]. 2019. URL: <https://www.justsecurity.org/65997/do-moral-judgments-of-war-support-the-principle-of-combatant-equality-what-empirical-studies-tells-us/> (date of access: 25.09.2025).

33. Lee C. A. Polarization, casualty sensitivity, and military operations: Evidence from a survey experiment // *International Politics* (Hague, Netherlands). 2022, vol. 59, № 5. P. 981–1003. DOI: 10.1057/s41311-022-00378-9.

34. Dill J., Sagan S. D., Valentino B. A. Kettles of Hawks: Public Opinion on the Nuclear Taboo and Noncombatant Immunity in the United States, United Kingdom, France, and Israel // *Security Studies*. 2022, vol. 31, № 1. P. 1–31. DOI: 10.1080/09636412.2022.2038663.

35. Chilton A. The Laws of War and Public Opinion: An Experimental Study (SSRN Scholarly Paper 2439428) // *Social Science Research Network*, 2015. DOI: 10.2139/ssrn.2439428.

36. Ginges J., Atran S. War as a moral imperative (not just practical politics by other means) // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2011. DOI: 10.1098/rspb.2010.2384.

37. Lewandowsky S., Ecker U. K. H., Cook J. Beyond misinformation: Understanding and coping with the “post-truth” era // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2017, vol. 6, № 4. P. 353–369. DOI: 10.1016/j.jarmac.2017.07.008.

38. Frankfurt S. B., Coady A. Judgments of Morality in War: Commentary on Watkins (2020) // *Perspectives on Psychological Science*. 2021, vol. 16, № 6. P. 1456–1460. DOI: 10.1177/1745691621991881.

Сведения об авторе

Гаджиев Акиф

Аспирант кафедры анализа социальных институтов
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

SPIN-код: 9575-1732

AuthorID: 1080965

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026 г.

Статья принята к публикации: 05.06.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4

ANALYTICAL REVIEW OF EXPERIMENTAL STUDIES OF ORDINARY MORAL JUDGMENTS ABOUT WAR

Gajiyev Akif

HSE University, Moscow, Russia

akifka21@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6273-3398

For citation: Gajiyev A. Analytical review of experimental studies of ordinary moral judgments about war. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 2(63), p. 131-163. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4.

Abstract. This article presents an overview of experimental studies comparing ordinary moral judgments about wars with normative models (international humanitarian law and just war theory). Based on an analysis of works in this area, a typology of research designs is proposed based on four key parameters: the object of assessment, the degree of scenario realism, the method of presenting conditions, and the role of normative models in design. The proposed typology serves as an analytical tool for explaining the inconsistency of research findings regarding the characteristics of ordinary moral judgments about wars. The advantages of the experimental approach in establishing the determinants of judgments are identified, as well as its limitations associated with the artificiality of the scenarios and the focus on discrepancies with normative theories. Prospects for overcoming these limitations through methodological pluralism and an appeal to non-experimental research strategies are outlined.

Keywords: ordinary moral judgments, normative models, experimental research, vignette technique, sociology of morality, moral psychology, international humanitarian law, just war theory.

References

1. Grotius H. *O prave vojny i mira: tri knigi, v kotoryh ob "yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava*

- [*On the Law of War and Peace: Three Books Explaining Natural Law and the Law of Nations, and the Principles of Public Law*] (transl., in Russian), ed. by S. B. Krylov. Reprinted from the 1956 edition. Moscow: Ladomir, 1994. 868 p. ISBN 5-86218-149-0.
2. Mill D.S. A Few Words on Non-Intervention (transl., in Russian), *Russian Sociological Review*, 2020, vol. 19, no 3, p. 281–299. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-281-299.
 3. Watkins H.M. The Morality of War: A Review and Research Agenda, *Perspectives on Psychological Science*, 2020, vol. 15, no. 2, p. 231–249. DOI: 10.1177/1745691619885872.
 4. Baum M.A., Groeling T. Reality asserts itself: Public opinion on Iraq and the elasticity of reality, *International Organization*, 2010, vol. 64, no. 3, p. 443–479. DOI: 10.1017/S0020818310000172.
 5. Bloch-Elkon Y. Studying the media, public opinion, and foreign policy in international crises: The United States and the Bosnian crisis, 1992–1995, *Harvard International Journal of Press/Politics*, 2007, vol. 12, no. 4, p. 20–51. DOI: 10.1177/1081180X07307184.
 6. Carpenter C., Montgomery A.H., Nylen A. Breaking Bad? How Survey Experiments Prime Americans for War Crimes, *Perspectives on Politics*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 912–924. DOI: 10.1017/S1537592720002376.
 7. Smith P. Codes and conflict: Toward a theory of war as ritual, *Theory and Society*, 1991, vol. 20, no. 1, p. 103–138. DOI: 10.1007/BF00160735.
 8. Maxey S. The Power of Humanitarian Narratives: A Domestic Coalition Theory of Justifications for Military Action, *Political Research Quarterly*, 2020, vol. 73, no. 3, p. 680–695. DOI: 10.1177/1065912919852169.
 9. Stein R.M. War and Revenge: Explaining Conflict Initiation by Democracies, *American Political Science Review*, 2015, vol. 109, no. 3, p. 556–573. DOI: 10.1017/s0003055415000301.
 10. Cooper Drury A., Marvin Overby L., Ang A., Yitan Li. “Pretty Prudent” or Rhetorically Responsive? The American Public’s Support for Military Action, *Political Research Quarterly*, 2010, vol. 63, no. 1, p. 83–96. DOI: 10.1177/1065912908327230.
 11. Sagan S.D., Valentino B.A. Not Just a War Theory: American Public Opinion on Ethics in Combat, *International Studies Quarterly*, 2018, vol. 62, no. 3, p. 548–561. DOI: 10.1093/isq/sqy033.
 12. Dill J., Schubiger L.I. Attitudes toward the Use of Force: Instrumental Imperatives, Moral Principles, and International Law, *American Journal*

- of *Political Science*, 2021, vol. 65, no. 3, p. 612–633. DOI: 10.1111/ajps.12635.
13. Durkheim E. *The Division of Labor in Society* (transl., in Russian), notes by V. V. Sapov. Moscow: Kanon, 1996. 432 p. ISBN 978-5-88873-036-1.
14. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment, *Psychological Review*, 2001, vol. 108, no. 4, p. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295x.108.4.814.
15. Bruckmeyer K. “Rekonfiguraciya form obydennoy i nauchnogo znaniya ob obshchestve: diskurs transdisciplinarnosti [Reconfiguring the forms of everyday and scientific knowledge about society: the discourse of transdisciplinarity]” (in Russian), in: *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguracii: monografiya [Everyday and scientific knowledge about society: mutual influences and reconfigurations: monograph]*, ed by I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katerny. Moscow: Progress-Tradiciya, 2015, p. 121–146.
16. Guglielmo S. Moral judgment as information processing: An integrative review, *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01637.
17. Benbaji Y., Falk A., Feldman Y. Commonsense Morality and the Ethics of Killing in War: An Experimental Survey of the Israeli Population (SSRN Scholarly Paper 2094022), *Social Science Research Network*, 2014. DOI: 10.2139/ssrn.2094022.
18. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations, *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, vol. 96, no. 5, p. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.
19. Gajiyev A., Dautova T.E. Narrative Genres and Cultural Resources of Ordinary Justification of the Soviet War in Afghanistan (1979–1989) (in Russian), *Interaction. Interview. Interpretation*, 2025, vol. 17, no. 1, p. 42–62. DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3.
20. Bourke J. *An Intimate History of Killing: Face to Face Killing in Twentieth Century Warfare*. New York: Basic Books, 2010. 509 p.
21. Malle B.F. Moral Judgments, *Annual Review of Psychology*, 2021, vol. 72, p. 293–318. DOI: 10.1146/annurev-psych-072220-104358.
22. Cushman F., Young L., Hauser M. The Role of Conscious Reasoning and Intuition in Moral Judgment: Testing Three Principles of Harm,

- Psychological Science*, 2006, vol. 17, no. 12, p. 1082–1089. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x.
23. Mikhail J. *Elements of Moral Cognition: Rawls' Linguistic Analogy and the Cognitive Science of Moral and Legal Judgment*. Cambridge University Press, 2011. 432 p. ISBN 9781107377165.
 24. *Experimental Philosophy*, ed. by J. Knobe, S. Nichols. Oxford University Press, 2008. 244 p. ISBN 978-0195323269.
 25. Hauser M.D. *Moral Minds: How Nature Designed Our Universal Sense of Right and Wrong*. Ecco/HarperCollins, 2006. 512 p. ISBN 978-0060780708.
 26. Konow J. Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories, *Journal of Economic Literature*, 2003, vol. 41, no. 4, p. 1188–1239. DOI: 10.1257/002205103771800013.
 27. Deviatko I.F. On Theoretical Models Explaining the Perception of Justice on Micro, Meso and Macro Levels of Social Reality (in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 2009, no. 29, p. 10–29.
 28. Sagan S.D., Valentino B.A. Revisiting Hiroshima in Iran: What Americans Really Think about Using Nuclear Weapons and Killing Noncombatants, *International Security*, 2017, vol. 42, no. 1, p. 41–79. DOI: 10.1162/ISEC_a_00284.
 29. Walzer M. *Arguing about War*. New Haven & London: Yale University, 2006. 208 p. ISBN 978-0300109788.
 30. Sise H. *Spravedlivaya vojna? O voennoj moshchi, etike i idealah [Just War? On Military Power, Ethics, and Ideals]* (transl., in Russian). Moscow: Ves' Mir, 2007. 176 p. ISBN 978-5-7777-0379-8.
 31. Sagan S.D., Valentino B.A. Just War and Unjust Soldiers: American Public Opinion on the Moral Equality of Combatants, *Ethics & International Affairs*, 2019, vol. 33, no. 4, p. 411–444. DOI: 10.1017/S0892679419000431.
 32. Do Moral Judgments of War Support the Principle of Combatant Equality? What Empirical Studies Tells Us A Moral Psychology Study of Just War Theory, *Just Security* [site], 2019. URL: <https://www.justsecurity.org/65997/do-moral-judgments-of-war-support-the-principle-of-combatant-equality-what-empirical-studies-tells-us/> (date of access: 25.09.2025).

33. Lee C.A. Polarization, casualty sensitivity, and military operations: Evidence from a survey experiment, *International Politics (Hague, Netherlands)*, 2022, vol. 59, no. 5, p. 981–1003. DOI: 10.1057/s41311-022-00378-9.
34. Dill J., Sagan S.D., Valentino B.A. Kettles of Hawks: Public Opinion on the Nuclear Taboo and Noncombatant Immunity in the United States, United Kingdom, France, and Israel, *Security Studies*, 2022, vol. 31, no. 1, p. 1–31. DOI: 10.1080/09636412.2022.2038663.
35. Chilton A. The Laws of War and Public Opinion: An Experimental Study (SSRN Scholarly Paper 2439428), *Social Science Research Network*, 2015. DOI: 10.2139/ssrn.2439428.
36. Ginges J., Atran S. War as a moral imperative (not just practical politics by other means), *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2011. DOI: 10.1098/rspb.2010.2384.
37. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Cook J. Beyond misinformation: Understanding and coping with the “post-truth” era, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 2017, vol. 6, no. 4, p. 353–369. DOI: 10.1016/j.jarmac.2017.07.008.
38. Frankfurt S.B., Coady A. Judgments of Morality in War: Commentary on Watkins (2020) // *Perspectives on Psychological Science*, 2021, vol. 16, № 6. P. 1456–1460. DOI: 10.1177/1745691621991881.

Information about the authors

Akif Gajiyev

Graduate Student, Department of Analysis of Social Institutions,
HSE University
SPIN-code: 9575-1732
AuthorID: 1080965